

Никольский Виктор Александрович

История русского искусства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Александрович Н.**
История русского искусства / Никольский Виктор Александрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 248 с.

ISBN 978-5-519-99795-9

ISBN 978-5-519-99795-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

развалины зданій „златообильныхъ Микенъ" съ какимъ-нибудь готическимъ соборомъ или итальянскимъ палаццо эпохи Возрожденія.

Не то было въ Россіи.

Переселившіеся сюда въ VII—VIII в. восточные славяне, какъ мѣтко говоритъ В. О. Ключевскій, „увидѣли себя на безконечной равнинѣ, среди сосѣдей, чуждыхъ по происхожденію и низшихъ по развитію, у которыхъ нечѣмъ было позаимствоваться и съ которыми приходилось постоянно бороться, въ странѣ ненасиженной и нетронутой, прошлое которой не оставило пришельцамъ никакихъ житейскихъ приспособленій и культурныхъ преданій, не оставило даже развалинъ, а только однѣ безчисленныя могилы въ видѣ кургановъ".

Западная Европа являлась для переселявшихся въ нее варваровъ сплошнымъ музеемъ памятниковъ древняго искусства. Въ Россіи VII—VIII вѣка были только курганы-могилы, нѣмые хранители памятниковъ былыхъ культуръ.

Здѣсь, на этомъ громадномъ кладбищѣ, все приходилось создавать заново. Здѣсь началась новая фаза исторіи славянскаго быта и здѣсь же, на почвѣ общаго культурнаго запаса переселенцевъ, возросло русское искусство.

Культурное развитіе положившихъ начало нашей исторіи славянъ-переселенцевъ, несомнѣнно, было не велико. Знакомые со славянами византійскіе писатели V—VI в. свидѣтельствуютъ о грубости ихъ быта: славяне живутъ какъ разбойники, вдали другъ отъ друга, въ плохихъ хижинахъ и постоянно переселяются. Между тѣмъ, развитіе какого бы то ни было мастерства, а тѣмъ болѣе художественнаго, требуетъ извѣстной осѣдлости населенія при которой одни поколѣнія могли бы являться наслѣдниками всѣхъ завоеваній, совершенныхъ поколѣніями болѣе ранними.

Трудно предполагать поэтому, чтобы восточные славяне принесли съ собою на русскую территорію хоть сколько-нибудь развитое искусство. Вѣроятно же предположить, что оно именно здѣсь, на русской территоріи, и начало слагаться, по мѣрѣ того, какъ славянскія племена осѣдали по берегамъ рѣкъ.

Этотъ процессъ, во всякомъ случаѣ, происходилъ медленно. Переселенцы попали въ слишкомъ суровую географическую обстановку для того, чтобы отдаваться эстетикѣ. Надо было воевать съ природой и сосѣдями, заводить лѣсные промыслы и торговлю, „устраиваться на новосельѣ". Во многихъ случаяхъ переселенцамъ и на новыхъ мѣстахъ приходилось жить такъ же, какъ они жили въ Западной Европѣ — въ полной готовности къ новымъ переселеніямъ.

При современномъ состояніи матеріаловъ по исторіи культуры языческой Руси не приходится серьезно думать о систематическомъ изложеніи хода развитія ея художественнаго творчества. Здѣсь почти все темно еще, неясно, сбивчиво, спорно. Въ древне-русской культурѣ встрѣчается много такъ называемыхъ „скиѣскихъ" элементовъ, но сами скиѣы, какъ и другіе многочисленные народы, когда-то обитавшіе на русской территоріи, являются своего рода этнографическою загадкою.

По состоянію матеріаловъ въ данномъ случаѣ возможенъ не историческій обзоръ, а хронологически неопредѣленная картина жизни и быта языческихъ славянъ, подобная нарисованной И. Е. Забѣлинымъ въ его "Исторіи русской жизни".

Но, во всякомъ случаѣ, то, что удалось добыть и открыть въ этоге о высокомъ развитіи искусства, естественно невозможно для столь некультурной среды, какою являлась языческая Русь, а главнѣйшимъ образомъ о переживавшихся русскими славянами постороннихъ культурныхъ вліяній, отражавшихся и на произведеніяхъ

искусства.

Въ этихъ вліяніяхъ первое мѣсто принадлежитъ азіатскому Востоку, съ которымъ наши предки находились, какъ извѣстно, въ постоянныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ.

Арабскій писатель IX в. Хордадбе видѣлъ русскихъ купцовъ даже въ Багдадѣ, куда они проникали при помощи тюркского народа — хазаръ, обитавшихъ въ то время на русской территоріи и даже обложившихъ славянъ данью. На югѣ Россіи найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами, начиная съ конца VII вѣка. Другой, обитавшій на Волгѣ въ ту эпоху, народъ тюркского происхожденія, болгары или булгары, приходили къ Владиміру въ Кіевъ съ предложеніемъ принять ихъ вѣру.

Проникавшіе на Русь образцы восточнаго искусства встрѣчали здѣсь, можно сказать, родственнѣйшій пріемъ, потому что славяне жили, окруженные племенами восточнаго происхожденія, и хотя постепенно поработали ихъ, но невольно воспринимали отъ нихъ нѣкоторые бытовые элементы. Да и у самихъ славянъ этой эпохи еще не угасли, быть-можетъ, смутныя воспоминанія о своей азіатской прародинѣ, — воспоминанія, еще болѣе оживлявшіяся отъ сосѣдства восточныхъ племенъ.

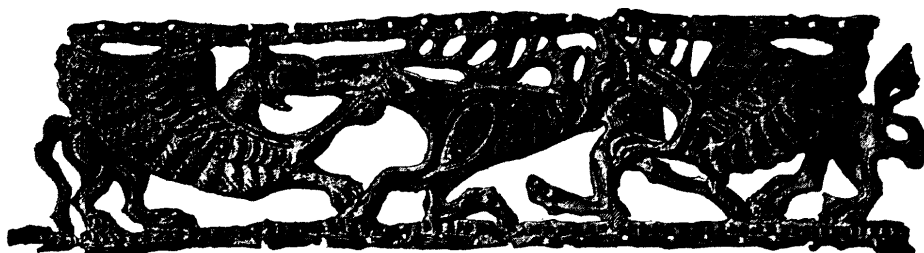
Окруженный памятниками восточнаго искусства, русскій мастеръ языческой эпохи и самъ, естественно, подражалъ имъ, пытался создавать произведенія, близкія къ этимъ образцамъ. Болѣе способные, талантливые мастера изобрѣтали, разумѣется, и новыя комбинаціи художественныхъ формъ, вносили въ работу творческіе элементы. Такимъ путемъ на языческой Руси вырастала постепенно какъ бы новая отрасль восточнаго искусства, осложнявшаяся и видоизмѣнявшаяся впослѣдствіи скандинавскимъ и другими западными вліяніями.

Это болѣе или менѣе самобытное развитіе искусства языческой Руси внезапно нарушается въ X вѣкѣ принятіемъ христіанства. Происходитъ переломъ въ русской жизни и въ искусствѣ. Являются новыя потребности и новые — византійскіе — образцы для подражанія. Возникаетъ невѣдомое языческой Руси искусство живописи.

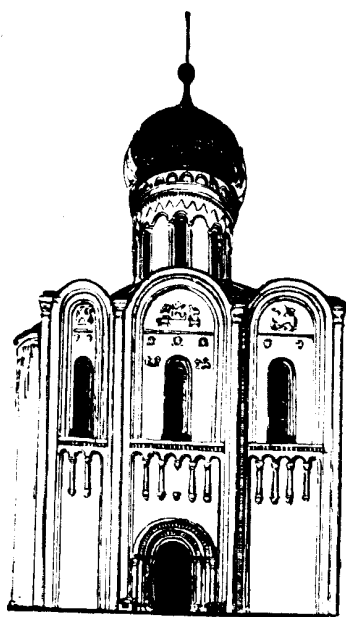
Но отсутствіе матеріаловъ не даетъ возможности достаточно ярко охарактеризовать и эту интересную эпоху. По необходимости начало систематическаго обзора исторіи русскаго искусства приходится переносить еще ближе къ нашему времени — къ XI вѣку.

Такимъ образомъ, въ силу особенностей русской исторіи, начинающейся съ переселенія нашихъ предковъ въ страну, лишенную культурныхъ преданій, и за отсутствіемъ матеріаловъ — систематическій обзоръ исторіи русскаго искусства приходится начинать сравнительно поздно.

Отъ первыхъ же вѣковъ русской исторіи, въ качествѣ руководящей идеи, остается лишь тотъ неоспоримый фактъ, что русское искусство, какъ и западно-европейское, побѣги одного и того же мощнаго корня — восточнаго искусства. Разница была только въ томъ, что мы испытывали эти вліянія почти непосредственно, а на Западѣ они нерѣдко проникали обходнымъ путемъ.

Скиѣскій орнаментъ

Нерльскій храмъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Архитектура.

Творческія художественныя силы древней Руси наиболѣе ярко и мощно выразились въ архитектурѣ. Уже въ раннія эпохи русскій зодчій обладалъ такимъ художественнымъ вкусомъ и настолько овладѣлъ самою техникой строительнаго искусства, что могъ бы помѣряться силами въ этой области съ современнымъ ему строителемъ Западной Европы.

Органически сложившаяся, созданная самимъ народомъ русская деревянная архитектура постепенно подчиняетъ себѣ чужеземную каменную. Въ изложеніи хода этого своеобразнаго завоеванія архитекторовъ плотниками и заключается въ сущности исторія русской архитектуры до самаго XVII вѣка.

Въ такой странѣ непроходимыхъ лѣсовъ, какою являлась въ древности Россія, зодчество, естественно, должно было прежде всего воспользоваться деревомъ, какъ наиболѣе доступнымъ и удобнымъ строительнымъ матеріаломъ.

Древнѣйшія извѣстія о постройкахъ у славянъ или другихъ народовъ, населявшихъ Россію, говорятъ только о деревянныхъ зданіяхъ.

Какъ справедливо указываетъ И. Е. Забѣлинъ, русскіе плотники, такъ искусно строившіе въ X вѣкѣ рѣчныя и морскія деревянные суда, довольно рано овладѣли „всѣми хитростями своего художества“, обладали умѣньемъ не только срубить прямоугольныя стѣны и кровли, но и обдѣлывать „лѣсной матеріалъ въ кружало (по циркулю), какъ требовалось при устройствѣ всякаго рода лодокъ и особенно морскихъ судовъ“.

Именно здѣсь — въ деревянномъ зодствѣ и проявлялся самобытный художественный вкусъ древне-русскаго архитектора.

Деревянная архитектура.

О древне-русскомъ деревянномъ зодествѣ возможно говорить почти исключительно въ формѣ догадокъ и предположеній.

Не сохранилось не только самыхъ памятниковъ древнихъ временъ, но даже сколько-нибудь точнаго ихъ описанія. Приходится строить заключенія на мимолетныхъ указаніяхъ лѣтописей, касающихся древнихъ деревянныхъ построекъ, изучать далеко не всегда отвѣчающія дѣйствительности очертанія зданій на древнихъ минатюрахъ и иконахъ, пользоваться строительными эпитетами и названіями изъ былинъ и народныхъ пѣсень.

Глубокій знатокъ древне-русской жизни, И. Е. Забѣлинъ произвелъ единственную въ своемъ родѣ попытку реставраціи типа древне-русскихъ деревянныхъ построекъ.

Въ пользу этой реставраціи основныхъ типовъ древне-русскаго деревяннаго зодчества въ особенности говорятъ слѣдующія соображенія, высказываемыя самимъ Забѣлинымъ: „Какъ бытовые, такъ и художественныя, и по преимуществу строительныя различныя формы, при неизмѣнности общихъ началъ жизни, существуютъ цѣлыя вѣка и подвергаются лишь тѣмъ перемѣнамъ, которыя сами собою нарождаются изъ постепеннаго, послѣдовательнаго развитія самой жизни, т.-е. видоизмѣняются въ частностяхъ, но никакъ не въ основныхъ чертахъ“.

Кто знакомъ съ исторіей русской культуры и тою приверженностью къ обычнымъ, освященнымъ вѣками формамъ быта, какою вообще отличается русскій народъ, тотъ едва ли найдетъ серьезныя возраженія противъ этого.

Излюбленныя архитектурныя формы, созданныя творческою фантазіей невѣдомыхъ строителей, повторялись и воспроизводились безсчетное число разъ на протяженіи цѣлаго ряда столѣтій, разрушаясь и воскресая въ новыхъ, несомнѣнно, болѣе утонченныхъ и искусныхъ сочетаніяхъ. Но основной типъ, основное ядро постройки оставалось неизмѣннымъ за всю исторію Московской Руси. Даже въ петербургскій періодъ нашей исторіи, въ эпоху господства каменнаго зодчества по иноземнымъ образцамъ, древнія художественныя формы деревяннаго зодчества продолжали нарождаться вновь въ глухихъ сѣверныхъ углахъ въ видѣ деревянныхъ церквей или богатыхъ крестьянскихъ избъ, такъ

похожихъ по виду на древнія „хоромины“.

Конечно, говоря о деревянной русской архитектурѣ древнихъ временъ, слѣдуетъ оставить въ покоѣ хронологію: эпоха появленія „златоверхихъ теремовъ“, кровель „бочкою“ и „кубомъ“ или „косячатыхъ оконъ“ едва ли будетъ когда-нибудь установлена съ полною достовѣрностью.

Во всѣ эпохи существовали, разумѣется, и сравнительно простая и болѣе красивыя постройки, смотря по ихъ назначенію и богатству хозяевъ.

Но основной ихъ типъ, основные правила и приемы зодчества, одинаково примѣнялись во всѣхъ случаяхъ.

Указать эти основные типы и приемы, отмѣчая попутно болѣе усовершенствованныя архитектурныя формы, — вотъ все, что можно сдѣлать въ области характеристики древне-русской деревянной архитектуры. О подлинныхъ сохранившихся памятникахъ деревянной архитектуры, относящихся къ точно опредѣленнымъ эпохамъ, придется говорить уже значительно позднѣе — въ XVI вѣкѣ.

Гражданское зодчество.

Основною ячейкою древне-русскаго деревяннаго зодчества является „клѣтъ“ — четырехугольный бревенчатый срубъ. Основные размѣры этого сруба опредѣлила сама природа: строевое дерево длиннѣе 3—4 сажень встрѣчалось рѣдко, а вертикальныя опоры, врубка бревень въ столбы, въ древне-русскомъ зодствѣ почти не примѣнялась, вѣроятно, въ силу недостаточной прочности матеріала — сосновыхъ и еловыхъ бревень. Такимъ образомъ клѣтъ могла занимать пространство отъ 9 до 16 кв. сажень. Первоначально клѣтъ крылась безъ потолковъ, какъ древне-христіанскія церкви, — двускатною крышей. Въ клѣти, предназначенной для зимняго жилья, ставилась печь, но безъ трубъ: дымъ выходилъ въ подъемное „волоковое“ окно.

Вымирающая „курная изба“ нашего бѣднаго крестьянина была бы, вѣроятно, типичною постройкой для древней Руси. Какъ теперь, такъ и тогда, на пространствѣ 9—16 кв. сажень устраивалось все жилье обитателя клѣти: и кухня, и столовая, и спальня, и гостиная.

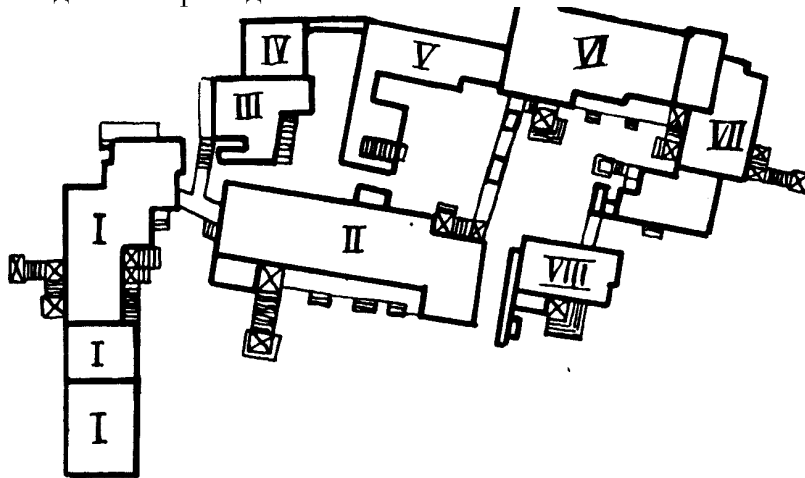
Какова бы ни была постройка: изба ли рядового крестьянина, хоромы ли первостатейнаго богача, дворецъ ли князя — основною сооружеія оставалась та же типичная клѣтъ. Въ древности строились по-пчелиному: рядомъ съ клѣтью-ячейкой вырастала другая клѣтъ-ячейка, потомъ третья и т. д., по мѣрѣ достатка и роста хозяйственныхъ потребностей. Постройка могла занимать очень большую площадь, но она вся состояла изъ отдѣльных, самостоятельныхъ частей, изъ клѣтей, связанныхъ въ одно цѣлое сѣнями и переходами. Иногда, когда требовалось особенно большое помѣщеніе, клѣти связывались одна съ другою въ цѣлую группу: ставились „двойней“, тройней“ и т. д.

Древне-русскій зодчій не зналъ стройки по опредѣленному плану, строго согласованному съ наличными и могущими появиться впослѣдствіи потребностями домохозяина. Являлась новая потребность — призывался плотникъ и къ старой клѣти прирубалась новая. Въ самой плотничьей терминологіи, въ словахъ: „прирубъ“, „придѣлецъ“, „присѣнье“, ярко запечатлѣлся этотъ медленный процессъ пристраиванія къ основному зданію новыхъ частей.

Домъ богатаго человѣка отличался по своему плану отъ избенки бѣднаго только тѣмъ, „что для каждой статьи его бытового обихода отдѣлялся не уголь въ избѣ, а ставилась особая клѣтъ, или особая связь клѣтей, смотря по широтѣ потребностей“, какъ говорить

Забѣлинъ. Для этой, составляющей домъ, связи клѣтей не существовало строго опредѣленнаго плана: и размѣры клѣтей и ихъ взаимное расположеніе всецѣло зависѣли отъ воли домохозяина. Искусство строителя заключалось въ умѣнны осуществлять эту волю, соблюдая требованія красоты.

Какія прихотливыя очертанія пріобрѣтали при такомъ способѣ стройки древнія зданія, можно видѣть на приводимомъ планѣ знаменитаго Коломенскаго дворца.

Планъ деревяннаго Коломенскаго дворца. I. Хоромы царя. — II. Хоромы царицы. — III. Хоромы царевича. — IV. Баня. — V. Службы. — VI, VII в VIII. Хоромы младшихъ, среднихъ и старшихъ царевенъ.

Однако съ теченіемъ времени въ древнемъ зодчествѣ выработались извѣстные типы зданій и ихъ частей.

Первобытная одноэтажная клѣть весьма быстро стала воздвигаться уже въ два этажа: внизу была „подклѣть“, а вверху — „горница“. Такая постройка называлась „хороминою“, и чѣмъ шире и богаче была жизнь хозяина дома, тѣмъ чаще простая клѣть замѣнялась хороминою.

Отдѣльныя клѣти, или хоромины, связывались одна съ другою обширными, крытыми, хорошо освѣщенными дворами — „сѣнями“. Это были не узкіе коридоры нашихъ дней, а своего рода пріемныя залы, настолько обширныя и удобныя, что по нимъ можно было даже „мила дружка за рученьку важивати“, какъ поется въ русскихъ пѣсняхъ.

Надъ сѣнями строился обычно теремъ или вышка, т.-е. въ сущности вторыя сѣни, освѣщенные частыми окнами на всѣ стороны. Иногда эти вторыя сѣни строились меньше первыхъ и вокругъ нихъ устраивался обнесенный перилами балконъ — „гульбище“. У богатыхъ людей терема воздвигались въ нѣсколько ярусовъ, постепенно уменьшаясь къверху.

Столовая или пріемная горница нерѣдко также увѣличивалась еще однимъ этажомъ — „повалушей“ и обрабатывалась въ формѣ башни, иногда пріобрѣтавшей даже восьмиугольную форму. Обычай устраивать при домѣ такую башню — „вежу“, какъ называлась она въ XII вѣкѣ, — ведетъ свое начало отъ древнѣйшихъ временъ.

Древне-русскій зодчій въ особенности могъ показать свое искусство при устройствѣ крылецъ, всегда пристраивавшихся къ зданію отдѣльно, въ качествѣ особыхъ пристроекъ. Обыкновенно крыльцо состояло изъ трехъ переходовъ лѣстницы съ тремя площадками или „рундуками“.

Симметрия отдѣльныхъ частей зданія и ихъ пропорцій отнюдь не составляла центра архитектурныхъ красотъ. „Древнія хоромы, — говоритъ И. Е. Забѣлинъ, — всегда

представляли группу различныхъ и разнообразныхъ построекъ, изъ которыхъ каждая должна была отличаться своимъ особымъ складомъ красоты". Это разнообразіе связывалось въ одно цѣлое по фасаду лишь далеко выступавшими карнизами-„полицами", защищавшими стѣны отъ скатывающейся съ крышъ дождевой воды и въ то же время служившими какъ бы поясами для этажей зданія. Пояса-карнизы давали широкой просторъ творческой фантазіи зодчихъ и обрабатывались съ особымъ стараніемъ. Впослѣдствіи каменная архитектура заимствовала эту деталь отъ деревянной, придавъ карнизамъ со своей стороны еще большую широту и богатство.

Эстетика древнихъ нашихъ зодчихъ отличалась своеобразиемъ. По остроумному предположенію И. Е. Забѣлина, домъ рисовался строителю „какъ бы живымъ существомъ". Кровля представлялась своего рода „головнымъ уборомъ", и объ ея красотѣ въ особенности заботились. Окна въ древнихъ русскихъ постройкахъ, всегда особенно затѣйливо изукрашенные фронтонами и наличниками, действительно, казались „свѣтлыми очами" зданія, а прихотливые карнизы — шитыми, узорчатыми поясами, ловко перехватывающими станъ какого-нибудь добраго молодца.

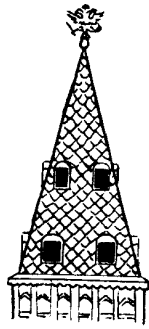
Самою любопытною изъ древне-русскихъ кровель была такъ называемая „бочка". Эта кровля представляетъ собою, собственно говоря, цилиндръ, у котораго срезана снизу извѣстная доля круга и приставлена къ вершинѣ, вслѣдствіе этого вытягивающейся и заостряющейся. Округлости бочки назывались „пучинами" и могли быть круче или положе, смотря по желанію. Въ поперечномъ разрѣзѣ бочечная кровля имѣетъ видъ луковицы.

Изъ этой простой кровли бочкою, ставившейся обыкновенно по длинѣ зданія, создавалось покрытіе „кресчатою бочкою", удобное для квадратныхъ клѣтѣй. Для этой кровли бочки ставились крестъ-накрестъ, такъ, что на каждую стѣну клѣтки приходилось по фронтону въ видѣ заостренной арки-луковицы.

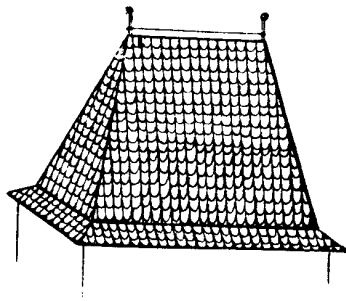

Изъ той же бочки создавалась при дальнѣйшемъ развитіи такъ называемая кровля „кубомъ", обыкновенно состоявшая изъ четырехъ бочечныхъ пучинъ или округлыхъ скатовъ, сведенныхъ къ вершинѣ въ стрѣлку. Изъ тѣхъ же бочечныхъ пучинъ устраивались, по образцу „куба", крыши на шесть и восемь граней, сильно приближавшіяся по очертаніямъ къ церковнымъ главамъ.

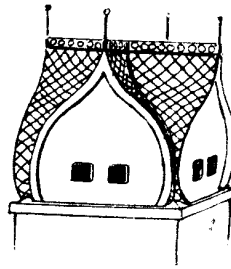
Приводимые рисунки яснѣе описаній даютъ понятіе о многообразіи системъ покрытій, применявшихся въ древнемъ зодствѣ.

Шатеръ.

Древнія кровли.
Палатка

Кресчатая бочка.

Съ теченіемъ времени выработались даже особыя правила относительно кровель, которыхъ строители и придерживались. Квадратные терема и сѣни крылись обыкновенно высокою шатровою крышею. Терема продольные крылись бочкою или палаткою — на четыре ската. Кресчатыя бочки, увѣнчанныя посрединѣ маленькимъ шатромъ, ставились обыкновенно надъ рундуками на крыльцахъ.

Замысловатыя формы крышъ вызвали и особые способы ихъ покрытія небольшими и тонкими дощечками, болѣе удобными для выгибанія по контурамъ бочечныхъ пучинъ, чѣмъ обыкновенныя доски. Покрытіе изъ дощечекъ, закругленныхъ на концахъ, называлось „чешуей“, а изъ заостренныхъ — „лемехомъ“ или „гонтомъ“.

Не придерживаясь строго симметріи, почти повсемѣстно царившей въ западномъ строительствѣ, русскіе зодчіе умѣли, тѣмъ не менѣе, придавать большую цѣлостность и стройность той группѣ разновременныхъ и разнообразныхъ клѣтей, которая составляла древне-русскій домъ. Строитель, не имѣя возможности составить общій планъ зданія и вынужденный строить по капризу хозяина, обладалъ, однако, какимъ-то особымъ секретомъ, при помощи котораго создаваемое имъ по частямъ, въ разное время и въ различномъ характерѣ, зданіе всегда имѣло такую стройность и законченность общаго вида, что казалось созданнымъ по заранѣе обдуманному и строго логическому плану.

Трудно опредѣленно сказать, въ чемъ именно заключался этотъ „секретъ“, который одинъ изъ изслѣдователей русскаго стиля пытался свести къ чувству „баланса частей“. Не можетъ быть, конечно, и сомнѣній, что древне-русскій зодчій обладалъ высоко развитымъ чувствомъ этого „баланса“, но не имъ однимъ все объясняется въ стилѣ русскаго зодчества.

Древне-русскій зодчій былъ поэтомъ по преимуществу. Онъ овладѣлъ тайною той великой гармоніи, какою запечатлѣны творенія самой природы, какая разлита въ нашемъ русскомъ пейзажѣ и нашелъ способы перенести эту гармонію въ архитектурныя формы. Онъ умѣлъ искупить всѣ техническіе недостатки своего искусства проникновенною красотою общихъ очертаній постройки, тонкостью и художественностью своего рисунка. Онъ умѣлъ опоэтизировать, найти красивыя и въ то же время простыя формы для зданій, предназначенныхъ служить самымъ прозаическимъ потребностямъ.

Вырубая лѣса на постройки, онъ какъ-будто хотѣлъ возсоздать изъ мертвыхъ бревенъ стѣны и стропиль ту своеобразную, созданную самою природою красоту очертаній живой трепетно-листной рощи, которую онъ же сводилъ на бревна...

Не имѣя возможности ввести логику въ планъ, зодчій вносилъ ее въ фасадъ, въ самыя очертанія зданія. Изъ терема, или повалуши, онъ создавалъ центръ зданія — наиболѣе высокую его часть, вокругъ которой группировались другія части: главныя —

выше и крупнѣе, служебныя — ниже и меньше. Русскій зодчій стремился расчленивъ и раздѣлить зданіе и по вертикальнымъ линіямъ, соотвѣтственно внутреннему его размѣщенію, и по горизонтальнымъ, обозначая этажи полами. Нижніе подклѣтныя этажи обдѣлывались солиднѣе и тяжеловѣснѣе, какъ и подобаетъ фундаментальнымъ частямъ. Вторые жилые этажи обдѣлывались болѣе игриво, а третьи — теремныя имѣли совершенно легкій воздушный видъ.

Русское зодчество любило пирамидальныя построения, постепенное уменьшеніе объемовъ зданія отъ земли къ небу, вплоть до сведенія его въ острую кровлю колпакомъ или кубомъ.

Высота зданія, по тогдашнимъ понятіямъ, неизбѣжно была связана и съ его красотой. Иноземецъ Петръ Петрей, посѣтившій Москву въ 1608 г., вѣрно угадалъ причину высоты русскихъ деревянныхъ зданій. „Кто выстроитъ себѣ самыя высокія хоромы, съ крышею надъ лѣстницей крыльца, — говоритъ онъ, — тотъ и считается въ городѣ самымъ пышнымъ и богатымъ тузомъ”.

Церковное зодчество.

Особенно ярко проявлялось стремленіе русскаго зодчаго къ созиданію высокихъ построекъ въ деревянныхъ храмахъ.

Наши историки и археологи еще спорятъ о томъ, были ли храмы на языческой Руси. Лѣтописи о нихъ не говорятъ. Только два церковныхъ писателя первыхъ временъ христіанства въ Россіи глухо упоминаютъ о „капищахъ” и „храмахъ идольскихъ”, ничего не говоря объ ихъ наружномъ видѣ и внутреннемъ устройствѣ.

Первые христіанскіе храмы на Руси хотя и были построены изъ камня византійскими мастерами, но едва ли есть основанія сомнѣваться въ существованіи значительнаго числа деревянныхъ церквей даже въ Кіевскій періодъ нашей исторіи. Лѣтописи упоминаютъ о деревянныхъ церквахъ уже въ 882 и 945 годахъ. Каменные постройки являлись своего рода новинкою и обходились не дешево, особенно въ первое время, пока сами русскіе не обучились каменному строительству. Каменные храмы, какъ говоритъ И. Е. Забѣлинъ, „при общей бѣдности, воздвигались только въ богатыхъ и знатныхъ городахъ, гдѣ имѣли пребываніе князья, епископы и вообще свѣтская или духовная власть. Мелкіе города, села, деревни, все небогатое земство по необходимости довольствовались для постройки Божьяго храма своимъ роднымъ матеріаломъ — деревомъ”.

Строеніе каменныхъ храмовъ было строго подчинено опредѣленнымъ, принесеннымъ изъ Византіи правиламъ. Но эти правила удерживались сравнительно недолго, невзирая на всѣ старанія церковныхъ властей придать имъ догматическую незыблемость. И починъ въ дѣлѣ нарушенія этихъ правилъ шелъ именно отъ деревяннаго зодчества.

Уже въ силу природы самаго матеріала, типъ деревяннаго храма долженъ былъ отступать отъ установленнаго каменнаго образца. Какими бы великолѣпными ни казались эти храмы зодчимъ-плотникамъ — въ нихъ было не мало непривычныхъ, странныхъ формъ и очертаній. Народъ захотѣлъ построить храмъ по-своему, пусть — бѣднѣе, меньше, но изъ родныхъ сосновыхъ бревенъ, съ привычными для глаза очертаніями и узорами.

Какъ постепенно развивался типъ барскихъ хоромъ, такъ же постепенно долженъ былъ развиваться и типъ храма — „Божьихъ хоромъ”. Первые, небогатые деревянные храмы, по плотничьему выраженію, „ставились клѣтски”, т.-е. въ видѣ привычной клѣтки.

По соображеніямъ И. Е. Забѣлина, такой храмъ долженъ былъ состоять изъ клѣти, покрытой двускатною кровлей съ крестомъ на подножіи посреди кровли. Къ этой клѣти съ востока прирубался алтарь въ видѣ второй маленькой клѣти, а съ запада — „трапеза“, увеличивавшая вмѣстимость храма, или прямо „паперть“ — въ видѣ галлерейки.

Форма для церковной главы — „маковицы“ или „луковицы“ — уже существовала въ гражданской архитектурѣ: восьмигранникъ изъ бочечныхъ пучинъ послужилъ первоначальнымъ типомъ для церковной главы.

Изъ этой первичной, простѣйшей формы деревяннаго храма развились и болѣе сложные.

Въ чемъ же другомъ, если не въ постройкѣ храма, могъ показать древне-русскій зодчій все свое искусство и изобретательность? Идея храма открывала полный просторъ тому устремленію постройки въ высь, которое такъ нравилось русскимъ зодчимъ-плотникамъ.

Вмѣсто не удовлетворявшей болѣе двускатной кровли, на храмѣ стали воздвигаться своего рода квадратные своды, посредствомъ постройки нѣсколькихъ клѣтокъ, одна надъ другой. Верхнія клѣтки дѣлались меньше нижнихъ, и эта пирамида увѣнчивалась кровлею — крестатою бочкой съ главою въ центрѣ.

Болѣе обширные храмы рубились не на четыре угла, а на шесть, восемь, двѣнадцать угловъ. Такой „круглый“ храмъ покрывался обыкновенно шатровою крышею съ главою. „Для особенно высокихъ храмовъ, — говоритъ И. Е. Забѣлинъ, — эта форма была очень удобна, а народъ очень любилъ высокіе храмы“. Именно этому „шатровому“ типу деревянныхъ церквей и суждено было особенно развиться и оживить каменное церковное строительство впослѣдствіи, въ московскую эпоху.

Въ основу плановъ деревянныхъ соборовъ полагалась та же идея, что и въ постройку хоромъ. Какъ хоромы являлись въ сущности собраніемъ отдѣльныхъ, связанныхъ между собою хоромины, такъ и соборъ представлялъ собою собраніе церквей. Такъ же, какъ въ хоромахъ, здѣсь къ основной, главной клѣти прирубались боковыя — „придѣлы“. Отъ этихъ пристроекъ зданіе собора пріобрѣтало очертанія креста, становилось „крестатымъ“ храмомъ. Каждая изъ пристроекъ-придѣловъ имѣла свою главу. Нерѣдко главы, размѣромъ поменьше, ставились надъ алтарями.

И здѣсь, какъ и въ гражданскомъ зодствѣ, созданныя деревянной архитектурой формы оказались столь близкими народному духу, что серьезно повліяли на каменное строительство.

Создавались эти излюбленныя, національныя формы, конечно, не сразу, не гениальнымъ творческимъ порывомъ великаго строителя, а безымянною толпою русскихъ плотниковъ-самоучекъ, вѣками вырабатывавшихъ и совершенствовавшихъ ту или иную архитектурную форму, зародившуюся, быть-можетъ, случайно, въ порывѣ того самаго безсознательнаго народнаго творчества, которое создавало мелодіи народныхъ пѣсенъ, затѣйливые узоры полотенецъ, слагало былины и духовные стихи.

Созданное самимъ народомъ, это зодчество оставалось первое время въ сторонѣ отъ каменнаго, и его развитіе шло своимъ независимымъ путемъ. Города призывали иноземныхъ строителей и воздвигали пышныя зданія на свой городской ладъ, а деревянная архитектура, чуждая этихъ новшествъ, продолжала развивать и совершенствовать свои исконныя формы. И безвѣстные плотники побѣдили знаменитѣйшихъ иноземныхъ зодчихъ. Самобытная каменная русская архитектура развилась лишь тогда, когда восприняла нѣкоторыя формы у деревянной, когда въ иноземную строительную технику